

Пролог

Кира

Кап-кап.

Дождь давно закончился, падают только отдельные капли. Непонятно, откуда они вообще взялись: небо совсем чистое, отстиранное от облаков и прошитое белой ниткой самолётной полосы. Смотрю на неё и гадаю: кто и куда только что пролетел над моей головой. А когда-нибудь и я вот так полечу! В Москву, поступать в университет. Я уже и факультет выбрала, и готовлюсь вовсю. Но не волнуюсь — нет. Знаю, что получится. Иначе и быть не может.

Осень в этом году просто необыкновенная. Такая солнечная, светлая и тёплая, что даже не верится. Как будто подарок мне в мой последний учебный год. А ведь уже октябрь, совсем скоро

листья скрючатся бесформенной коричневой массой под ногами, а небо осунется, потускнеет, закутается в пуховый платок облаков. Будет снимать его редко и ненадолго, чтобы напомнить продрогшим прохожим, как выглядит солнце. Улица потихоньку зарастёт сугробами, и прогулки сожмутся до коротких перебежек от школы до дома и изредка — в магазин. И всё это — в темноте. Но сейчас, конечно, не время об этом думать. О том, чего ещё нет, в принципе думать не стоит. Хорошее так легко спугнуть, что, когда оно к тебе приходит, даже дышать страшно.

Кажется, сегодня весь город гуляет по улицам. Запасается теплом и светом перед зимней спячкой. В парке слишком шумно и слишком светло. Настолько, что слезятся глаза. Но я всё равно смотрю на небо. Стараюсь запомнить его таким на все пасмурные дни, которые будут в моей жизни. Запомнить и никогда больше не отпускать. Мамину руку я тоже сжимаю крепче. Мы так редко гуляем вдвоём, что хочется сохранить этот момент в памяти в папке «Важно». И тоже прибереечь для ненастных дней.

Спотыкаюсь и наступаю прямо в лужу, но не расстраиваюсь — смеюсь. Мама тоже хохочет. Просто так, потому что смеяться — правильно. А расстро-

иться, если что, всегда успеешь. Сейчас мне так весело, что даже любимые белые кеды не жалко. Судя по маминой реакции, ругать меня за них никто не будет.

Дальше иду медленно, примеряюсь к изменениям: в правом кеде хлюпает вода. Решаю, что это немного холодно, но очень весело. Можно шагами изображать какой-нибудь ритм. Добавляю хлопки руками, выходит настоящий танец. Шаг-хлюп-хлоп, шаг-хлоп-хлюп. Мама улыбается. Она очень любит танцы. Особенно в красивых нарядах. Может быть, их она любит даже больше, чем танцы. Не знаю точно. А на выпускном, кстати, будет и то и то. И маме обязательно понравится.

Замечаю, что она не сводит глаз с рекламного плаката впереди. Тоже смотрю на симпатичную тренершу, сидящую на шпагате перед тренажёрами нового фитнес-зала. Улыбаюсь: наверное, сейчас мама скажет, что мой шпагат даже лучше рекламного. Но мама говорит другое:

— Смотри, вылитая ты!

Модель на плакате совсем не похожа на меня, но я киваю и улыбаюсь. Это, наверное, шутка: тренерше из рекламы не меньше пятидесяти. Из общего у нас только причёска-хвостик и достойный плаката шпагат.

— Если бы я захотела, на этом плакате была бы я! — кокетливо щурюсь и показываю маме язык.

Делаю вид, что убегаю, как от погони, а сама то и дело оборачиваюсь. Мама спешит за мной. Люди вокруг не обращают на нас внимания, и я несколько раз натываюсь на кого-то из прохожих и тут же извиняюсь, заглаживая вину улыбкой. Гулять с мамой всё-таки чудесно. Совсем как в детстве, когда меня каждый день провожали до школы. И можно было болтать о чём угодно. Рассуждать, рассказывать и просто слушать. Даже молчать было можно. Молчать и просто быть рядом. Вдвоём.

Останавливаюсь и жду, пока мама меня догонит, чтобы снова взяться за руки. Улыбаюсь, зажмуриваюсь, зачем-то считаю секунды. Не слышу и не хочу слышать ничего, кроме капель, срывающихся с листьев над головой. И знать ничего не хочу. Я жду маму. Сегодня и сейчас я самая счастливая на свете. «Не сегодня» и «не сейчас» просто не существует.

Кап-кап. Кап-кап. Кап.

Кира

Другая жизнь

Операцию назначили на середину мая. К этому моменту опухоль в мозге достигла таких размеров, что инсульт может случиться в любую минуту. Каждую минуту я его и жду: на всякий случай вздрагиваю от любого шороха. Как будто можно это как-то предугадать. Как будто можно это как-то *предотвратить*.

Врач советует нам не затягивать со сдачей анализов и прощается. Мы благодарим его и уходим. Точнее, благодарю только я, а вот уходим мы вместе: мама послушно плетётся за мной. Мы держимся за руки. Мама как будто уже не очень соображает, где мы и зачем мы сюда приходили. Но она идёт рядом и ничего не спрашивает.

Утром мама натягивает одеяло на голову и делает вид, что будильник её не разбудил. Это чтобы я не заставила её собираться и тащиться на другой конец города сдавать анализы и собирать нужные справки для операции. Но я неумолима. Я делаю грозное лицо и повышаю голос — и это срабатывает. Мама садится, спускает ноги с кровати и шарит по полу в поисках тапок. Я ногой пододвигаю их поближе к ней — так, чтобы она не заметила, что я ей помогаю. Так, чтобы она решила, что отлично справляется *сама*. Для неё это важно. Для меня тоже. Глядя на маминны сощуренные глаза и умоляющую добрую улыбку, я чувствую себя невероятно взрослой. Слишком взрослой. Слишком ответственной. Старой.

Пока готовлю завтрак, несколько раз заглядываю в комнату и проверяю, собирается ли мама. Контролирую каждый шаг, потому что диверсия может случиться в любую секунду. Мне кажется, стоит мне отвернуться, как мама снова нырнёт под одеяло и укроется с головой. Я и сама ужасно не хочу куда-то идти. Но мама не должна это почувствовать. Поэтому я улыбаюсь и напеваю песенку себе под нос, пока вожусь с расползающимся по сковородке омлетом и разливаю по чашкам чай.

В окно стучат, и мама вздрагивает. Я оборачиваюсь и в недоумении смотрю на расположившегося

на подоконнике голубя. Мама уже спокойно пьёт чай. Она даже не поняла, что именно её отвлекло. Или поняла, но уже забыла. И мне тоже нужно забыть. О многом. Моя мама сидит на кухне рядом со мной и пьёт чай. Это всё, чем заняты мои мысли, и в них больше нет места никаким голубям. Всё, что было раньше, осталось в прошлой жизни. *До всего этого.* До того момента, который носит в моей голове название «обрушение» и служит точкой отсчёта. С тех пор я зачёркиваю дни в календаре перед сном. Понятия не имею, зачем. Просто зачёркиваю — и всё.

— Пройдёмся потом? — спрашивает мама, и теперь уже я вздрагиваю. — После больницы.

— Конечно, — киваю и отхлёбываю чай, мысленно формируя в голове список дел. Он такой длинный, что мне становится не по себе, и я мысленно же вычёркиваю пару необязательных пунктов. И вставляю на их место прогулку. Прогулку с мамой.

— Уже пора? — с сожалением спрашивает мама, когда я решительно поднимаюсь с места.

* * *

Пока мы бегаем по кабинетам в прохладной и пропитанной грустью больнице, начинается дождь.

Он колотит по стеклу, и почти вся очередь задумчиво смотрит на улицу. От этой умиротворяющей грусти мысли в голову лезут самые мрачные. Я заставляю себя отвести взгляд от окна и замечаю, что какая-то добродушная бабулечка смотрит на нас с сочувствием, но заговорить не решается. Или не хочет. Здесь все как будто приговорённые: одни замкнулись в себе и сидят с написанным на лице «не трогайте», другие заваливают вопросами, но ответов не слушают — додумывают сами. Одни боятся пустить к себе в душу, другие норовят влезть в чужую. И все чувствуют себя родными и чужими одновременно.

Мама могла бы пойти в кабинет одна, но я иду с ней, потому что сидеть в коридоре и ждать гораздо мучительней. Ждать вообще невыносимо трудно, я только теперь поняла это по-настоящему. И именно теперь я жду столько вещей каждый день. Вся моя жизнь превратилась теперь в ожидание. Экзаменов, окончания школы, папиного отпуска, маминой операции.

Я дёргаю плечами, сбрасывая лисий воротник *неправильных* мыслей. Врач как раз отдаёт маме справку и объясняет, как добраться до следующего кабинета в нашем нескончаемом списке. Мама кивает и улыбается ему, но я на всякий случай

прислушиваюсь. Две головы лучше. В нашем случае... Я обрубаяю и эту мысль тоже. Просто надо запомнить кабинет — и всё. Просто надо. Мы выходим в коридор, и мама по инерции улыбается бабулечке, которую я заметила в очереди. Бабулечка не реагирует никак.

Наконец выходим на улицу. Дождь ещё идёт, лохматые тучи угрожающе нависают над запланированной прогулкой. Но мама совершенно не хочет идти домой. Я тоже не хочу. Там дела: готовка, уборка, стирка. А тут — хотя бы иллюзия свободы. Иллюзия прошлой, забытой детской жизни.

Маме тяжело нести зонт, и мы идём просто так — капли сползают по лицу, то и дело соскальзывают за шиворот. Мы проголодались и замёрзли, но ни одна из нас не решается сказать второй об этом. Только когда на пути возникает стеклянный куб торгового центра, нас одновременно посещает идея зайти посидеть в кафе и погреть руки о пластмассово-картонные стаканчики с кофе.

Я по привычке выбираю сама, сразу на двоих, и диктую официанту наш заказ. Мама сидит напротив и смотрит на меня так пристально, что я пугаюсь: вдруг она меня не узнаёт. Или не видит. Но она легонько качает головой и говорит очень тихо и очень серьёзно:

— Сложно тебе, Кир?

Кир — так все называют моего одноклассника, Кирилла Нефросова. Спортсмена, высокого и вечно витающего где-то в облаках. У него даже глаза такие светло-серые, почти прозрачные, словно в них небо отражается. А в моих, карих, как будто свежезаваренный чай расплескался — ничего общего. Да и вообще у нас с Киrom никаких пересечений. Кроме имени.

— Всё хорошо, — я беру маму за руку и стараюсь не отводить взгляд. Даже теперь, когда мама видит гораздо хуже, чем прежде, враньё от неё не скрыть ни за натянутой улыбкой, ни за дежурными фразами. Сейчас она словно видит меня насквозь. Уставшую, замёрзшую маленькую Киру, отчаянно мечтающую вернуться обратно в детство — ровно на полгода назад.

— Тебе бы учиться надо, — качает головой мама, и мне ужасно хочется выдернуть руку и смахнуть слезинку. Но я не шевелюсь. Мама плохо видит, но она отлично *чувствует*.

— Я учусь, — как можно спокойнее сообщаю я и в доказательство вытаскиваю из сумки учебник. — В очереди два параграфа прочитала.

Мы сидим в кафе долго, не меньше часа. Кофе здесь ужасно вкусный. А может, нам просто

не хочется уходить. Только официант немного выводит из себя — уж очень *сладкая* улыбка появляется на его лице каждый раз, когда я случайно поднимаю на него глаза. Как будто он пытается меня приободрить. Но он *понятия не имеет*, насколько у меня всё ужасно.

Скорей бы папин отпуск, мы бы ходили везде втроём. Пока ещё можем. Папа был бы взрослым, а мы с мамой были бы маленькими у него под крылом.

Я знаю, что папа не может сейчас уйти с работы. Ведь мы все втроём живём на его зарплату. Да и операцию надо будет оплатить, и некоторые анализы. А я уже достаточно взрослая, чтобы договариваться с врачами, везде сопровождать маму и помогать ей. Мне даже можно не ходить в школу — та ещё роскошь, когда на носу выпускные экзамены. Я знаю, что мы — одна семья и делаем одно дело. Я знаю, без моей помощи мы не справимся. Я *знаю* это, но разве от этого мне должно быть проще?

Мы бродим по сверкающим отполированным кафелем коридорам торгового центра — я предложила зайти в супермаркет на первом этаже и купить продуктов. Всё равно они понадобятся, а до дома уже недалеко. Я могу донести пару пакетов, если правильно распределить вес.

Вместо этого мы выбираем мне платье и туфли на выпускной. Мама плачет, глядя на меня в зеркало, и причитает, что я очень красивая. На самом деле я худая, как скелет, и у меня мешки под глазами от вечного недосыпа. Даже если распустить длиннющие волосы, сейчас небрежно собранные в тёмно-каштановый хвостик, сильно лучше не станет. Но я согласно киваю и обнимаю маму прямо посреди примерочной, стараясь украдкой взглянуть на ценник. Похоже, на выпускном мне предстоит быть красивой, а до него — голодной.

Мама улыбается всё время, пока я выгребая из кошелька деньги. Я заранее знаю, что папа рассердится, но ничего мне не скажет. И от этого будет совсем уже тошно.

Пакет с платьем совсем лёгкий — почти невесомый, и я отдаю его маме. А сама несу туфли. На продукты денег почти не осталось, так что в супермаркет я забегаю на пару минут — покупаю макароны и гречку и упрашиваю женщину с огромной тележкой пропустить меня вперёд. Та ворчит, но пропускает. Её ребёнок, сидящий, как царь горы, на покупках в тележке, напоследок пинает меня ногой и спрашивает: «А почему тётя без очереди?»

Мама стоит с пакетом, в котором вместо вкусных обедов и ужинов на ближайшую неделю лежит нежно-сиреневое выпускное платье. Мама всё ещё улыбается. Я улыбаюсь в ответ, и мы вместе бредём к выходу.